

УДК 811.161.1

А.В. ГРИЦАЕНКО

(alina.gritsaenko@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЛЕКСИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ БОЛЕЗНЕЙ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Анализируется лексико-семантическая группа «Болезни» в донских говорах Волгоградской области в структурно-семантическом, лингвогеографическом, историко-этимологическом аспектах.

Ключевые слова: донские говоры, лексика, болезнь, лексико-семантическая группа, диалект.

Языковая картина мира как концептуализация действительности средствами языка привлекает пристальное внимание ученых-лингвистов последних лет. Представление о типологии языка остается неполным, если «типологические исследования ограничить материалом только литературных языков, игнорируя диалектные данные» [8, с. 9]. В связи с чем немаловажным является изучение языковой картины мира в целом и отдельных ее элементов в региональном аспекте.

Целью нашего исследования является комплексный анализ лексики донских говоров Волгоградской области, называющей болезни.

В разных говорах на различных территориях России болезням приписываются свои отличительные черты, на основании которых можно выявить интегральный образ болезни у носителей того или иного диалекта. Мы анализируем лексемы, зафиксированные в донских говорах Волгоградской области.

Донские говоры располагаются на западе нашего региона и заслуживают особого исследовательского внимания. Большой вклад в их изучение был внесен такими учеными-диалектологами, как Л.М. Орлов, Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, а также их аспирантами и студентами, работающими в рамках Волгоградской диалектологической школы [2].

Стоит отметить неопределимый вклад профессора Р.И. Кудряшовой, которая установила, что донские казачьи говоры Волгоградской области являются говорами социально-изолированного типа [5]. Культурно-исторические факторы во многом поспособствовали формированию донского диалекта как целостной и относительно замкнутой группы. Лексический состав же современного донского диалекта содержит общенародные, интердиалектные, южнорусские и специфические единицы [3].

Неоднородность лексики донского казачества разных районов проживания, как и различия в фонетических и грамматических чертах, объясняется исторически [Там же, с. 103]. Донские говоры возникли на рубеже XV–XVI вв. путем заселения донских территорий казаками. Постепенно определились два центра расселения казачества: верховые казаки (охотники) и низовые (составляли военные отряды). Далее между двумя группами образовались срединные казаки, которые совмещали в себе черты культурно-языковых традиций жителей верховий и низовий Дона [Там же]. Соответственно, в результате постоянного контактирования, процессов взаимовлияния, смешения черт различных южнорусских говоров на территории донских казаков сформировался массив одного диалекта.

Мы рассмотрели более ста лексических единиц, выделенных методом сплошной выборки из «Словаря донских говоров Волгоградской области» (СРДВО) [9], а также из «Большого толкового словаря донского казачества» (только материал, зафиксированный на территории Волгоградской области) (БТ-СДК) [1]. В настоящей статье приведены десять показательных, с точки зрения выбранных аспектов исследования, ярких, интересных, на наш взгляд, народных названий болезней: *бешИха* – ‘опухоль с нарывом’; *глОтушина* – ‘ангина’; *жевлАк* – ‘шишка на теле или под кожей’; *жЕлудь* – ‘сыпь на ру-

* Работа выполнена под руководством Кузнецовой Е.В., кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

ках»; *заеды* – ‘язвочки, трещинки в уголках рта’; *курьячка* – ‘бородавка’; *мыт* – ‘диарея’; *поганка* – ‘сифилис’; *причинка* – ‘столбняк’; *сухотка* – ‘туберкулёз, паралич’.

Выбранный материал мы рассматривали в трех аспектах: структурно-семантическом (с определением типа диалектного различия), лингвогеографическом и историко-этимологическом. Тип диалектного различия лексем мы определили путем сопоставления с системой литературного языка, проверив их по «Словарю русского языка» (МАС) [11]. Возможную территорию бытования и структурно-семантические диалектные варианты единиц мы проследили по «Словарю русских народных говоров» (СРНГ) [10], при анализе происхождения и истории слов мы опирались на данные «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [12] и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [4].

Обратившись к системе русского литературного языка [11], мы установили, что лексемы *жёлудь*, *поганка*, *причинка*, *глотушина*, *жевлак*, *мыт*, *заеды*, *бешиха*, *курьячка* не зафиксированы в МАС в той же форме и с теми же значениями. Тогда как лексема *сухотка* отражена в МАС со значением: «Устар. и обл. Болезнь, ведущая к истощению организма, иссушающая тело [11, Т. 4, с. 312]. Напомним, что в «Словаре донских говоров Волгоградской области» зафиксировано значение: «Сухотка [сухотка], -и, мн. не употр., ж. 1. Инфекционная болезнь – чахотка, туберкулёз. Зем., Слщ. 2. Болезнь, заключающаяся в потере способности произвольных движений какой-л. частью тела; паралич» [9, с. 579]. В говорах слово приобретает ассоциативно близкие значения, основанные на метонимии «причина – следствие» (1 значение) и сравнении «сухой – безжизненный» (2 значение), представляя собой, таким образом, семантический тип диалектизма (Какой казак – и ф сухотки мучаица) [9].

Далее рассмотрим лексему *поганка* в значении ‘заразная венерическая болезнь – сифилис’: *Вот, дагулялси, таперя поганкай хвараить* (пример взят из БТСДК) [1]. Она зафиксирована в МАС лишь в значении ‘несъедобный гриб’ [11, Т. 3, с. 165] и представляет собой дериват слова *поганый*, значение которого определяется в МАС как ‘скверный, нечистый с религиозной точки зрения’. Так, уже во времена Ивана Грозного существовала некая *поганая болезнь*, лечение которой представляло собой принятие внутрь шариков ртути. Впоследствии *поганая болезнь* была определена учеными как *сифилис*. Таким образом, интересующая нас лексема *поганка* представляет семантический тип диалектизма, т. к. отличается от литературного эквивалента только семантикой.

Лексема *курьячка* в значении ‘бородавка’ (*Ня знаю, пычаму курьячки то пыявляюцца, то праходють*), по всей видимости, была образована от лексемы *курья* ‘грыжа’, которая упоминается в словаре Даля как бытующая в псковских и тверских говорах [4, Т. 2, с. 228]. Существительное *курья* родственное, как нам кажется, лексеме *курья*, зафиксированной в толковом словаре В.И. Даля как: ‘двуснастный; человек или животное уродливого образования, соединяющее в себе, более или менее, признаки обоих полов’ [Там же]. Сопоставив лексикографический материал, видим, что лексема *курьячка* в донских говорах наряду с особым словообразованием обрела и собственное значение. Отсюда следует, что тип этого диалектизма собственно лексический.

Лексема *причинка* в значении ‘столбняк’ (*Иво причинка бьешь, лихаратка*) не зафиксирована в МАС в той же форме и с тем же значением, однако в БТСДК закреплены следующие дефиниции: ‘болезнь столбняк; эпилепсия’ [1]. У М. Фасмера наблюдаем: *притка* «нечаянный случай, несчастье», также «болезненный припадок, истерия от наваждения, колдовства» (Даль, Мельников), первоначально «то, что приключилось» [12, Т. 3, с. 367]. Таким образом, можем проследить развитие значения лексемы *причинка*. Симптомы эпилепсии и столбняка схожи тем, что они проявляются резко и неожиданно. Это подтверждает идентификатор *притка* ‘припадок’. Как видим, рассматриваемая нами лексема представляет собой собственно лексический тип диалектизма.

Существительное в форме множественного числа *заеды* ‘язвочки, трещинки в уголках рта’ встречается в СРНГ, где оно имеет следующие дефиницию: *За’еды и зае’ды*, мн., тоже, что *заедни* (*Заедни*, мн. Язвочки, трещинки в уголках рта, которые воспаляются и болят) Урал. [10, Т. 10, с. 76]. Сле-

довательно, форма и семантика лексемы *заеды* не являются уникальными. Этот диалектизм бытует и в других русских говорах.

Сопоставив с системой литературного языка, считаем возможным определить слово, от которого образовалась интересующая нас лексема *заеды*. Вероятно, от глагола *заедать*, т. е. *заеды* – это то, что образуется, когда человек *заедает*, т. е. что-то закусывает ртом. Доказательством наших предположений может служить значение этого слова, бытующее в ставропольских и самарских говорах: ‘заболевание у животных’ [10, Т. 10, с. 76], скорее всего, речь идет о лошадях, закусывающих уздечку. Следовательно, получаем тип диалектизма – лексико-словообразовательный.

Лексема *жёлудь* ‘сыпь на руках’ представляет собой интересный пример приобретения особого, уникального значения именно в донских говорах. В МАС и СРНГ лексема *жёлудь* со значением ‘сыпь на руках’ не зафиксирована. В МАС находим словарную статью «Шелудивый» и видим следующее значение: имеющий струпья, коросту на коже; паршивый [11, Т. 4, с. 709]

По всей видимости, в данном случае произошло звуковое уподобление формы слов *шелудивый* и *жёлудь*. Такое смешение обусловлено исторически. М. Фасмер упоминает украинскую лексему *шѣлуди* ‘парша, чесотка, струпья’ [12, Т. 4, с. 425]. Итак, произошло смешение *шѣлуди* – *жѣлуди*, а в дальнейшем появилась форма единственного числа *жёлудь* (Када жолуть, тада руки дюжа балять) [9]. Тип диалектизма этого слова определяем как семантический, поскольку от литературного эквивалента современная диалектная единица отличается только значением.

Лексема *жевлак* (дон. ‘шишка на теле или под кожей’) зафиксирована также в СРНГ и имеет следующую дефиницию: опухоль, шишка, желвак (курск., 1858., орл., тул., моск., калуж.) [10, Т. 9, с. 97].

В МАС наблюдаем: «ЖЕЛВА́К. Затвердение, опухоль в виде шишки на теле человека, животных» [11, Т. 1, с. 475]. Как видим, в диалектной речи в рассматриваемом слове происходит явление метатезы, отсюда следует, что тип этого диалектизма фонематический. Материалы же СРНГ показывают, что форма с метатезой не является уникальной, а распространена широко в русских говорах как на юге, так и в среднерусских диалектах (Жывлак – шышка пат кожый типа жыравика, у атца жыvlak был с кулак) [9].

Глотушина в значении ‘ангина’, безусловно, словообразовательно связана с общерусскими лексемами *глотать*, *глотка* и со следующими диалектными единицами: субстантиват *глоточная* ‘горловая болезнь, дифтерит, ангина, скарлатина’ (ворон., курск, дон.), *глотница* ‘скарлатина’ (ряз.), *глоточница* ‘дифтерит’ (ворон.) [9, Т. 6, с. 203] (Глотушына нарот падушыла). Как видим из лексикографического материала, все приведенные названия болезней так или иначе связаны с большим горлом, т. е. значение ‘ангина’ в донских говорах не является уникальным, можно говорить только о его конкретизации вследствие влияния современного медицинского термина. Носители диалектов современных больше знают слово ангина, нежели их предки 50–100 лет назад. Однако форма слова с суффиксом –ин(а), функционирующая в донских говорах, является уникальной, не зафиксирована в других диалектах. Мы также можем предположить влияние слова *ангина* на появление такого словообразовательного варианта: *глотушИНА* – как *ангИНА*. В связи с тем, что рассматриваемая лексема отличается от литературных эквивалентов и словообразованием, и семантикой корня, мы определяем тип диалектного различия как собственно-лексический.

Лексема *мыт* ‘диарея’ встречается в СРНГ в значении ‘понос, кровавый понос, дизентерия’: «Наверно у Вани дизентерия, третий день его мыт моет» [10, Т. 19, с. 63]. У В.И. Даля видим: ‘понос, особенно у животных; болезнь молодых домашних животных в переходном возрасте’ [4, Т. 2, с. 373]. В МАС находим близкую, как нам кажется, лексему *мытарство*: ‘мучение, страдание’ [11, Т. 2, с. 318]. Симптоматика рассматриваемого нами заболевания является ярко выраженной и неизменно приносит дискомфорт, вполне сопоставимый с некоей долей *страдания*. (Скатина мытицца, дитѣ тожы, гаварять, слаткий сярун (орл., слщ.)) [8]. Рассматриваемая лексема родственна, по нашему мнению, древнеиндийскому слову *mutram* ‘моча’ и авестинскому *mūdrām* ‘нечистота, грязь’ [12, Т. 3, с. 25] и представляет собой собственно лексический тип диалектизма.

Лексема *бешиха* (дон. ‘опухоль с нарывом’), не встречающаяся ни в одном из академических и толковых словарей, по-видимому, является калькированным словом с последующим расширением значения, которое, на наш взгляд, основано на явлении метонимии. М. Фасмер упоминает *бешиха* как пришедшее из румынского *besica* «пузырь, прыщ» [12, Т. 1, с. 163], которое ранее было образовано от латинского *vesica* ‘мочевой пузырь’. А.В. Миртов, изучая донские говоры, приходит к выводу, что *бешиха* представляет собой шишку, опухоль или пузырь [7, с. 20]. Как видим, ‘прыщ’ и ‘опухоль с нарывом’ являются семантически близкими значениями. Лексема *бешиха* реализует собственно лексический тип диалектного различия.

В результате проведенного многоаспектного исследования мы выяснили, что донские лексемы волгоградского региона, называющие болезни, имеют разную функциональную нагрузку, типологию диалектных различий, историю появления в народной речи.

Подведем итог тому, что было сказано ранее. Нами были выявлены совершенно уникальные лексемы, формы и значения которых не зафиксированы в толковых словарях русского языка: *причинка*, *поганка*, *курьячка*, *бешиха*, лексемы, отличающиеся от общепринятых эквивалентов только фонетически: *жевлак*. Мы обнаружили лексемы, отличающиеся от явлений литературного языка только значением: *жёлудь*, *поганка*, *сухотка*, а также такие лексемы, которые отличаются и формой, и значением: *заеды*, *мыт*, *глотушина*.

В связи с тем, что народная речь имеет только устную форму бытования, в диалектах закрепляются явления, важные для носителей языка, встречаются единицы, которые отражают иную точку зрения носителей говоров на те или иные явления действительности, отличную от общепринятой. В дальнейшем мы планируем исследовать большее количество материала, расширить географию, сопоставив донскую лексику с лексикой волжских говоров нашего региона.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18000 слов и устойчив. сочетаний. М.: Рус. слово: Астрель, 2003.
2. Брысина Е.В., Кудряшова Р.И., Кузнецова Е.В. Волгоградская диалектологическая школа: традиции, современное состояние и научный потенциал // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2011. № 8 (62). С. 124–128.
3. Брысина Е.В., Супрун В.И. Вклад профессора Р.И. Кудряшовой в изучение русской диалектологии // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2016. № 9–10 (113). С. 100–106
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз., 2000.
5. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): моногр. Волгоград: Перемена, 1998.
6. Кузнецова Е.В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
7. Миртов А.В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.
8. Русская диалектология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова [и др.]; под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Academia, 2005.
9. Словарь донских говоров Волгоградской области: около 17000 слов / Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011.
10. Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука Ленингр. отд-ние, 1965–2016. Вып. 1–49.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. О.Н. Трубачева. 4-е изд. М.: Астрель: АСТ, 2007.

ALINA GRITSAENKO

Volgograd State Socio-Pedagogical University

LEXICAL NAMING OF DISEASES IN DON DIALECTS OF THE VOLGOGRAD REGION

The article deals with the analysis of the lexical and semantic group “Disease” in Don dialects of the Volgograd region. The material is analyzed in the structural-semantic, linguogeographical and historico-etymological aspects.

Key words: *Don dialects, lexis, disease, lexical and semantic group, dialect.*